

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

MONGOLICA

Памяти академика
Бориса Яковлевича
ВЛАДИМИРЦОВА
1884 – 1931

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1986

Редакционная коллегия

А. Н. КОНОНОВ (председатель), Л. К. ГЕРАСИМОВИЧ,
С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ, Е. И. КЫЧАНОВ, А. Г. САЗЫКИН,
В. М. СОЛНЦЕВ

В сборнике, посвященном памяти выдающегося советского ученого-монголоведа Б. Я. Владимирцова, представлены статьи, тематически связанные с кругом важнейших проблем монголистики, исследованием которых занимался Б. Я. Владимирцов. В статьях рассматриваются вопросы языкознания, литературоведения, филологии, истории, письменного наследия монгольских народов.

М $\frac{1402000000-164}{013(02)-86}$ 61-86

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1984 г. отмечалось столетие со дня рождения выдающегося отечественного востоковеда академика Бориса Яковлевича Владимирцова (1884—1931). В 1923 г., когда Б. Я. Владимирцову не было и сорока лет, академики С. Ф. Ольденбург, П. И. Коковцев, Н. Я. Марр, В. В. Бартольд и И. Ю. Крачковский, выдвигая его в члены-корреспонденты Академии наук СССР, писали: «Б. Я. справедливо может считаться одним из крупнейших, может быть, даже крупнейшим монголоведом нашего времени» [Ольденбург и др., 1923, с. 381]. Время не поколебало их оценки деятельности столь успешно начавшего ученого. Ни при жизни Б. Я. Владимирцова, ни после его безвременной кончины в полном расцвете творческих сил и до сих пор отечественное монголоведение не выдвинуло фигуры, чей творческий научный потенциал превзошел бы Б. Я. Владимирцова или деятельность которого знаменовала бы собой новый качественный скачок в развитии науки.

При полном признании объективности содержания гуманитарных наук, их задачи выявления закономерностей общественного развития не следует забывать, что таковые выявляются через труд конкретных исследователей, через единение материала и таланта исследователя, чье творчество, в особенности при литературоведческих и исторических исследованиях, нередко приближается к творчеству художественному. Поэтому, как нам кажется, в гуманитарных науках особенности научного дарования и личности исследователя накладывают больший отпечаток на результат исследования, чем в науках естественных, где объект исследования подлежит измерению и наблюдению, а результат выражается в математических и иных формулах и допускает проверку опытом. Среди личных качеств Б. Я. Владимирцова-ученого современники выделяли «работоспособность», «широчайшую его начитанность», «исключительное критическое чутье». «Это был ученый, вечно стремившийся к самообновлению и к эволюции, весь в росте и стремительном энтузиазме» [Алексеев, 1931, с. 14, 18].

Б. Я. Владимирцов родился 20 июля 1884 г. в г. Каменец-Подольском, и трудно представить, что привело юношу из старинного города каштанов и костелов, старой крепости, красивой и быстрой реки в глубоком каньоне на факультет восточных языков Петербургского университета, да еще на специаль-

ность, предполагавшую местом работы ученого не только тишину кабинета, но и степи и юрту кочевника. Но как бы там ни было, в 1904 г. Б. Я. Владимирцов стал монголоведом, в 1907 г. он уже ездил по астраханской степи, а в 1908 г.— по Западной Монголии, обследуя как лингвист и этнограф дэрбэтов Кобдо. Он полюбил народ, его язык, его быт, ему стала небезразлична судьба этого народа. Не холодный академизм, а, как писала Н. П. Шастина, «страстный интерес к Монголии, к монголам и к монголоведению как научной дисциплине чрезвычайно характерен для Б. Я. Владимирцова» [Шастина, 1958, с. 5]. Поэтому неудивительно, что именно он в 1913—1915 гг., кочуя вместе с монголами, открыл монгольскую эпическую литературу [Шастина, 1958, с. 6].

С ноября 1915 г. Б. Я. Владимирцов — приват-доцент, а затем и профессор Петербургского — Ленинградского университета. С начала 20-х годов и до конца жизни Б. Я. Владимирцов — профессор Ленинградского института живых восточных языков (Ленинградского восточного института). Неоценим его вклад в подготовку кадров практических и научных работников из числа бурят, монголов, калмыков. Он продолжает еще до Октябрьской революции. В 1929 г. вышел труд, определивший особое место Б. Я. Владимирцова в монголоведении,— «Сравнительная грамматика монгольского языка и халхаского наречия». В том же году Б. Я. Владимирцов был избран действительным членом Академии наук СССР.

«Если спросить, чем более всего Б. Я. Владимирцов как специалист-монговед,— писал С. Ф. Ольденбург,— то правильнее всего было бы, вероятно, ответить, что он прежде всего был историком» [Ольденбург, 1932, с. 668]. И академик С. Ф. Ольденбург оказался прав. Подлинно всемирную славу Б. Я. Владимирцову принесла изданная уже посмертно книга «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм». Эта книга по праву вошла в золотой фонд достижений советской исторической науки. И дело тут было не только в огромной монголоведческой профессиональной эрудиции автора. Б. Я. Владимирцов был одним из тех крупных ученых-обществоведов старой школы, который не только познакомился с марксистско-ленинским учением, но и на практике применил его как метод исторического исследования.

Б. Я. Владимирцов заинтересовался монгольским феодализмом в начале научной карьеры, а впервые выступил со своей концепцией монгольского феодализма уже в 1914 г. «Я вспоминаю,— говорил он в докладе 24 апреля 1931 г.— как 17 лет тому назад на заседании факультета восточных языков мне пришлось говорить о монгольском феодализме и мне было сделано указание, что это напрасное новшество, „какой же феодализм, когда нет замков!“» [Владимирцов, 1931, с. 1,1]. В этом же докладе Б. Я. Владимирцов делает важное замечание: чтобы по-

нять систему владения землей у кочевников, надо отделаться от «привычки иметь дело с оседлым населением... Для кочевников важным является [не] владение определенным участком, а возможность использования для тех или других времен года определенных пастбищных территорий... Ведь кочевание монголов не есть беспорядочное путешествие с места на место, а это есть определенные переходы по определенным пастбищам... И то лицо, которое фактически этим управляет, оно является с кочевой точки зрения, с точки зрения экономических нужд кочевого населения, распорядителем земли, ее обладателем» [Владимирцов, 1931, с. 6,2]. Право владения «осуществляется им в форме распределения кочевания, [того], как распределяют скот свой, и в форме экспроприации каждого участка, на который он налагает запрет „хорик“» [Владимирцов, 1931, с. 9,1].

В этом кратком вступлении к сборнику статей нет необходимости перечислять все труды академика Б. Я. Владимирцова (список его научных трудов см. [Шастина, 1958, с. 8—10]), характеризовать Б. Я. Владимирцова как историка, лингвиста, литературоведа и фольклориста. Все это уже сделано высококвалифицированно, в отдельных статьях, к которым и может обратиться читатель [Румянцев, 1958, с. 59—81; Златкин, 1975, с. 201—217; Санжеев, 1958, с. 12—40; Михайлов, 1958, с. 41—58; Горохова, 1975, с. 237—240]. Научное наследие Б. Я. Владимирцова, не публиковавшееся ранее, представлено в данном сборнике в статье Г. И. Михайлова изложением доклада и двух выступлений, неизвестных широко ранее, и описанием собранной им коллекции монгольских рукописей и ксилографов в статье А. Г. Сазыкина.

Отметим прежде всего, что среди авторов сборника, посвященного столетию со дня рождения великого ученого, наряду с ветеранами отечественного монголоведения — Г. Д. Санжеевым, Г. И. Михайловым, авторами «среднего поколения», получившими монголоведное образование сразу после Великой Отечественной войны, — Л. К. Герасимович, З. К. Касьяненко, М. Н. Орловской, Г. С. Гороховой — представлены молодые и начинающие монголоведы. Это связано в первую очередь с оживлением монголоведческих исследований в Ленинграде, на кафедре монгольской филологии Восточного факультета ЛГУ, с восстановлением монголоведения как научной дисциплины в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР (ЛО ИВАН), что привело к созданию там Сектора тюркологии и монголистики.

Символично, что темой, которой завершил свой творческий путь Б. Я. Владимирцов (монгольское феодальное право), начинает свой творческий путь самый молодой из авторов рекомендуемого читателю сборника — А. Д. Насилов. В статье «Новые сведения о монгольском феодальном праве (по материалам „Восемнадцати степных законов“» А. Д. Насилов устанавливает разницу между двумя формами штрафов — «алданги» и «анд-

за», в науке до него не установленную. А. В. Попов в статье «Теория кочевого феодализма академика Б. Я. Владимирцова и современная дискуссия об общественном строе кочевников» показал первостепенное значение идей Б. Я. Владимирцова для всей марксистской историографии, затрагивающей проблемы общественного строя кочевых народов.

К тематике последних исследований Б. Я. Владимирцова близка и статья Т. Д. Скрынниковой «О политической организации Халхи». Анализируя титулы участников съездов, на которых были приняты те же «Восемнадцать степных законов» — памятник, найденный лишь в 1970 г., Т. Д. Скрынникова приходит к выводу, что в первой половине XVII в. отнюдь не Тушету-ханы, как это принято считать, а Дзасакту-ханы были старшими в Халхе. Борьба Дзасакту-ханов и Тушету-ханов характерна для политической организации, аппарата управления Монголией XVI—XVII вв. Складывается впечатление, что сутью монгольской общественной структуры, обусловленной особенностями кочевого хозяйства, была как бы децентрализация в рамках централизации. Законы подтверждают не только признанную иерархию высших правителей, но и наличие действенных коллегияльных органов власти — сеймов (съездов), участие в которых для всех, кому полагалось, было обязательным. Решения таких съездов имели силу для всей Монголии. Существовало четкое понятие границ Монголии, долг оповещения страны о переходе врагом границы был одним из важнейших, неоповещение о вторжении вражеских войск или грабителей тяжело каралось. Наконец, существовал стандартизованный, унифицированный аппарат управления страной и право, на основании которого это управление осуществлялось, с единой для страны системой наказаний. Акцентирование внимания на децентрализации Монголии XVI—XVII вв. привычно для исследователей. Не пора ли в известной мере отказаться от этой, ставшей вредной для развития науки привычки и тщательно собрать и изучить все, что объединяло Монголию и монголов в ту эпоху?

Кстати, и в области идеологии такому единению способствовала вся направленность монгольской историографии XVII в., что хорошо показано в статье Г. С. Гороховой «О некоторых чертах монгольской историографии XVII века».

М. И. Гольман в статье «Русские архивные документы по истории Монголии в середине 50-х — 80-е годы XVII века», подробно характеризуя состав собрания русских архивных документов по истории Монголии, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов, отмечает, что эти документы «являются чуть ли не единственными полноценными источниками, рисующими всю полноту картины развития политических, экономических и культурных связей России с ханствами Халхи и Джунгарии с 1606 г. и почти до конца XVII столетия».

Представляет интерес исследование В. П. Санчинова, посвященное монгольской версии «Илэтхэл шастир» — официального

цинского биографо-генеалогического справочника XVII—XVIII вв. Автор попытался выявить тот круг источников, на основе которых был составлен раздел о родословных и биографиях ойратских князей.

Среди статей по истории и археологии Монголии отметим статью В. Е. Войтова об археологических исследованиях Б. Я. Владимирцова и развитии его классификации древнетюркских памятников в ходе новых исследований Советско-монгольской историко-культурной экспедиции, а также статью В. Н. Ткачева «Каракорум в XIII веке». Автор прослеживает историю Каракорума от места ставки Чингис-хана, городища Тахай-балгас, до стратегического центра подготовки военных походов. В. С. Таскин обсуждает в своей статье случаи раннего употребления, а в этой связи семантику и этническую атрибуцию титулов шаньюй и каган.

Этнография в сборнике представлена очень интересной статьей Н. Л. Жуковской «„Подарок — отдарок“ и его место в системе социальных ценностей монголов». На наш взгляд, особенно любопытно истолкование прибытия монголов с дарами к цинскому двору в качестве «такого коммуникативного действия, как дарение и ответный на него дар (подарок — отдарок)». Архаичные по своей природе представления китайской политической традиции о мироустроительной функции монарха не противоречат такому толкованию, а практика присылки даров и отдаривания целиком соответствует ему.

Среди статей о монгольской литературе статья Л. К. Герасимович посвящена поэзии Дулдуйтын Равжи (1803—1856), в творчестве которого наряду с религиозными стихами звучали и светские мотивы. Равжа нередко прибегал к форме сургалов (субхашита), древней индо-тибетской и монгольской форме нравоучительного стиха. Любовная лирика Д. Равжи по своему духу близка лирическим стихам шестого Далай-ламы — Цаньян Джамцо. Это свидетельствует об общности процессов художественного творчества, о том, что и в тибетской, и в монгольской поэзии наступило время, когда сила дарования, таланта поэта разрывала пути религиозного мировоззрения.

В статье Л. Г. Скородумовой «Функциональное значение стихов в романах В. Инджаннаша „Одноэтажный павильон“ и „Палата красных слез“» разбирается поэтическое творчество создателя нового жанра монгольской литературы — романа — В. Инджаннаша, который, используя отдельные приемы китайской классической литературы, оставался в своих стихах верным монгольской поэтической традиции. Интересна статья А. В. Кудиярова «Стиль „Тайной истории“: имплицитность, вариация, репрезентативность, подхват». Создание нового, улучшенного перевода на русский язык «Тайной истории» («Сокровенного сказания») — одна из важных задач монголоведения. Статья А. В. Кудиярова при некоторой излишней доле скепсиса к старым переводам — определенный шаг на пути к этому на-

чинанию. Статья подтверждает тот факт, что «Тайная история» — не только историческая хроника жизни предков Чингисхана, его самого и ближайших потомков, но и, безусловно, высокохудожественный памятник монгольской словесности.

Монгольскому фольклору посвящены статьи И. В. Кульганек «История изучения монгольского песенного фольклора» и С. Ю. Неклюдова «Закономерности стадияльной эволюции эпоса Центральной Азии и Южной Сибири». И. В. Кульганек предлагает впервые периодизацию изучения монгольского песенного фольклора, указывая на первостепенное значение полевой работы и исследований русских ученых, характеризует состав собрания песенного монгольского фольклора в академических учреждениях Ленинграда. С. Ю. Неклюдов прослеживает развитие форм эпического повествования у монгольских и некоторых тюркских народов; выделяя архаичные типы повествования в бурятском и якутском эпосе, автор указывает на возможную субстратную роль тунгусского и самодийского фольклора.

Монгольское языкознание представлено в сборнике статьями Г. Д. Санжеева, ныне покойного, М. Н. Орловской, Е. А. Кузьменкова, Н. С. Яхонтовой и В. Л. Успенского. М. Н. Орловская в своей статье подробно рассматривает три версии происхождения монгольского письменного языка — найманскую, керентскую и киданьскую — и предлагает подробный обзор существующих периодизаций его истории. В статье определены также фонетические, грамматические и лексические критерии периодизации. Принципы классификации монгольских языков и диалектов затронуты в статье Г. Д. Санжеева. В статье Е. А. Кузьменкова о монгольском пассиве удачно применена теория диатез, выдвинутая А. А. Холодовичем. Исследование Н. С. Яхонтовой показало любопытный результат языковой интерференции — влияние тибетского языка на ойратский, выявленное в переводах Зая-пандиты. Интересные сведения об истории создания тибетско-монгольского словаря XVIII в. «Тогбар лаба» приводятся в статье В. Л. Успенского.

Рукописное наследие монголов нашло свое отражение в статьях З. К. Касьяненко, А. Г. Сазыкина и Д. Ёндона.

З. К. Касьяненко исследует текст уникального рукописного «Ганджура» (1628—1629) из собрания библиотеки Восточного факультета Ленинградского университета. В статье приводятся результаты сопоставления рукописного списка «Ганджура» с ксилографическим его изданием по самому большому отделу «Ганджура» — *Dandir-a*. Для истории перевода буддийского канона на монгольский язык особенно важны устанавливаемые различия в колофонах и несовпадения колофонов.

Название статьи А. Г. Сазыкина «Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский музей Российской Академии наук от Б. Я. Владимирцова» говорит само за себя. По заключению автора, в монгольском собрании. Рукописного отдела ИВАН хранится сейчас шесть коллекций Б. Я. Влади-

мирцова, собранных им за период с 1908 по 1926 г. Особую ценность в собрании Б. Я. Владимирцова представляют ойратские рукописи, написанные «ясным письмом», и редкие ойратские ксилографы. Д. Ендон и А. Г. Сазыкин публикуют текст и русский перевод небольшой рукописи «[История] происхождения водки и наставление, разъясняющее [ее] пользу и вред, изложенные наставником Падма-Самбхавой».

Монголоведение — не только одно из старейших и традиционных направлений отечественного востоковедения, но и важнейшее направление. Российское монголоведение дало плеяду ученых высокого класса, среди которых значится и имя академика Бориса Яковлевича Владимирцова. Данное издание, отразившее лишь часть обширных по объему и замыслам работ советских монголоведов, — убедительное свидетельство того, что дело, начатое столь блестяще академиком Б. Я. Владимирцовым и его учениками, живо и находится в надежных руках. Предлагаемый сборник — дань уважения памяти великого ученого.

- Алексеев, 1958.— *Алексеев В. М.* Памяти академика Б. Я. Владимирцова.— ВАН. 1931, № 8.
- Владимирцов, 1931.— Доклад академика Владимирцова «Памятники монгольского права как материал монгольского феодализма» от 24 апреля 1931. Стенографический отчет (Библиотека ЛО ИВАН).
- Горохова, 1975.— *Горохова Г. С.* Научная сессия, посвященная 90-летию со дня рождения акад. Б. Я. Владимирцова.— НАА. 1975, № 5.
- Златкин, 1975.— *Златкин И. Я.* Академик Б. Я. Владимирцов — историк-востоковед.— НАА. 1975, № 6.
- Михайлов, 1958.— *Михайлов Г. И.* Литературоведческие концепции Б. Я. Владимирцова.— Филология и история монгольских народов. М., 1958.
- Ольденбург, 1932.— *Ольденбург С. Ф.* Борис Яковлевич Владимирцов.— ИАН СССР. Серия XII. Отделение общественных наук. Л., 1932, № 8.
- Ольденбург и др., 1923.— *Ольденбург С. Ф.* и др. Записка об ученых трудах Б. Я. Владимирцова.— ИРАН. Серия VI. 1923, т. 17.
- Румянцев, 1958.— *Румянцев Г. И.* Труды Б. Я. Владимирцова по истории монголов.— Филология и история монгольских народов. М., 1958.
- Санжеев, 1958.— *Санжеев Г. Д.* Б. Я. Владимирцов — исследователь монгольских языков.— Филология и история монгольских народов. М., 1958.
- Шастина, 1958.— *Шастина Н. П.* Борис Яковлевич Владимирцов (1884—1931).— Филология и история монгольских народов. М., 1958.

Е. И. Кычанов